

Страна где воцарился зверь —

эпизод 2 из 2

Царь Метейя покраснел от гнева, и глаза его засверкали нестерпимым пламенем. Гневные обратил он взоры на друга своего Кению, но не смутился смуглый, черноокий отрок и пребывал безмолвным, неподвижным и спокойным, как черная ночь без зарниц и без звезд.

Дрожа от гнева, сжимая царский посох в трепетных -- руках, густо покрытых рыжими волосами, царь Метейя спросил друга своего Кению:

-- Скажи мне, Кения, кого из нас двоих считаешь ты лучшим и более достойным почитания?

-- Великий царь, -- спокойно ответил Кения, -- люди почитают тебя, как своего владыку, и поклоняются тебе, и я с ними. Я -- твой верный слуга и раб и пребуду тебе неизменно верным и послушным.

В гневе царь Метейя встал и воскликнул:

И ответил Кения:

-- Царь, ты и я, -- отроки, ничего еще не совершившие на земле, достойного похвалы или порицания. Кто из нас лучше другого, никто этого не знает и не скажет.

-- Так,-- удивляясь дерзости своего друга, тихо сказал царь Метейя, -- и в самом деле не думаешь ли ты, что ты лучше меня, своего царя и владыки?

-- Великий царь, -- возразил Кения, -- я этого не думаю. Я думаю, что мы оба одинаковы. Недаром выросли мы вместе и так похожи один на другого лицом. Когда на румяной заре утренней или при багряно-красном небе заката я наклоняюсь к ручью, чтобы утолить мою жажду, мне кажется, что твое, о царь, лицо с приветливою улыбкою наклоняется ко мне, и твои губы тянутся навстречу моим для сладостного братского целования. Различаясь от меня цветом волос и кожи, пламенея румянцем, который у меня скрыт под смуглым цветом моего тела, ты так похож на меня, как будто отраженное в пламенеющем зеркале мое изображение. Ты прекрасен, как я, и так же, как я, щедр, милостив и великодушен.

И тогда все вельможи подняли шумный, негодующий крик, обвиняя Кению в том, что он осмелился приравнять себя к великому владыке. Яростью наполнилось сердце царя Метейи, и он приказал нещадно бичевать друга своего Кению смолистыми, гибкими плетями.

Возопил тогда Кения:

-- О, великий царь, вспомни, что это я поднял и отдал тебе твое царское яйцо, -- вспомни и сжался надо мною!

В ответ ему закричал диким, громким голосом разъяренный царь:

-- Помню, Кения, все помню, -- и чтобы ты вперед не величался предо мною, вот, повелеваю верным слугам моим засечь тебя до смерти.

Исполняя повеление царя, били черноокого Кению до тех пор, пока не затихли его стоны,-- и потом вынесли его тело и бросили у порога царского чертога.

С того дня ненасытной жестокостью напилось сердце царя Метейи, и радостны стали ему вопли истязуемых. Всякого, кто говорил слова сожаления о милом отроке Кении или слова укоризны жестокому и неблагодарному царю, всякого приказывал он приводить к подножию его престола и мучить до смерти. И веселился.

Потом, пресыщенный зрелищем изуродованных тел, опьяненный запахом горячей, изобильно пролитой крови, упивался он винами и забавлялся с плясуньями, очаровательницами змей, гадательницами и другими распутными женами и девами. Вельможи и старейшины городские не останавливали его и пировали с ним вместе, радуясь, что царь не вникает в дела правления и не препятствует им, алчным и жестокосердным, обогащаться на счет вдов, сирот и голодающих от неурожая. Развратные сыновья вельмож пировали с царем и забавляли его своим бесстыдством.

Однажды, когда царь пировал с своими вельможами и неразумными юношами, пришел к нему Кения. И ужаснулись пирующие.

Тихо подошел Кения к царю и сел рядом с ним, по правую сторону, на то место, где сидел раньше и куда еще никого не посадил царь.

-- Ты жив, Кения?

И ответил ему Кения:

Дикий гнев зажег царские взоры, и возопил царь:

-- Крамольную слышу речь, мятежный вижу взор непокорного раба. Где же вы, мои верные слуги? Возьмите мятежника, многими измучьте его муками, бейте его перед очами моими, бейте его гибкими смолистыми плетями и кнутами из воловьей кожи, залейте его горло растопленным свинцом, вырвите его черные колдовские глаза.

Так все сделали, как повелел жестокосердно усердным рабам их жестокий царь. Страшным голосом вопил истязуемый отрок. Выше перистых облаков возносились его пронзительные вопли. Выше небес возлетали бы они, если бы над землею простирались небеса.

Замучили до смерти, выволокли изуродованный труп за городскую ограду и бросили на гноище. А вдалеке в это время, чуя свежую кровь, были трусливые шакалы.

Пели в царском чертоге хриплыми с перепоя голосами веселые и

непристойные песни. Плясали перед царем голые блудницы. Царь хохотал и тонким хлыстом подстегивал плясуний, чтобы вертелись проворнее.

Полупритворные визги голых блудниц радовали его.

И когда опять пришел Кения, сожгли его вместе с тысячью плакавших о нем юношей и дев. Всех загнали в один дом, обложили его сухим хворостом, облили хворост смолою и зажгли. Радостно-яркое высоко взметнулось пламя, обливая багровою кровью ночные облака, и дикий вопль тысячи сожигаемых разносился далече окрест, пугая свирепых тигров, рыщущих в прибрежных тростниках в поисках за живую добычею. А люди, угождая свирепому своему владыке, плясали вокруг объятых пламенем дома.

Но опять пришел Кения. И ужаснулся разъяренный царь. Спросил непрестанно восстающего отрока:

-- Или бесконечными хочешь ты сделать твои и мои муки?

Улыбаясь, возразил Кения:

-- Твоя воля, великий царь. Отдай мне мое золото, и будешь покоен.

-- Царь Метейя, -- возразил Кения, -- уже не могу я сойти с того круга непрестанных возвращений к тебе, на который поставили меня верховные силы. Или отдай мне золото моего яйца, или своими зубами загрызи меня, пожри меня, как дикий зверь пожирает добычу, которую подстережет в пустынном месте. И станешь тогда зверем, но зато победишь меня, и к тебе, зверю, уже я не приду никогда.

Поник головою царь Метейя. Долго думал. Наконец сказал:

-- Да будет так. Я -- царь, и мне надлежит победить тебя, какою бы то ни было ценою. Лучше быть зверем, побеждающим и торжествующим, чем человеком, который уступает и отдает свое.

Пожрал друга своего царь Метейя, обратившийся в зверя. Вельможи и старейшины радовались и славили царя Метейю. Говорили они, упоенные злобною радостью: